

Лучший шпионский детектив

Михаил Акимов

Женщина, которая всегда на шаг впереди

— Я вас нанимаю, — сказала она.

— Забавно, — усмехнулся я.

Это и в самом деле было забавно. Входит в мой офис красивая незнакомая женщина лет тридцати, несколько секунд меня внимательно рассматривает, затем садится на стул для посетителей и вместо «здравствуйте» говорит, что она меня нанимает.

— Восемьсот долларов, — сказала она. — Работы на один день. Точнее, на несколько минут.

— Неплохо, — признал я и стал ждать продолжения.

Она хмыкнула.

— Вы всегда разговариваете одними наречиями? Или другие части речи вам тоже знакомы?

— Вполне возможно, — рассеянно пробормотал я, чем заставил её ещё раз усмехнуться.

— Ладно. Для того, что вам необходимо сделать, должно хватить и наречий.

Такое начало мне нравилось. И она тоже нравилась. Я перевёл взгляд на пачку сигарет, вопросительно глянул на неё и, увидев разрешающий кивок, вытащил одну и закурил.

— Это всё, что мне разрешено знать, или будут ещё какие-то сведения? — спросил я, стараясь выпускать дым в сторону от неё.

— Вы мне нужны не как частный сыщик. Ничего искать не нужно. А нужно просто исполнить роль моего мужа.

Теперь я посмотрел на неё уже более внимательно. Вообще-то, брюнетки в моём вкусе. Длинные вьющиеся волосы — ещё один плюс! Глаза большие, красивые, где-то в глубине прячутся хитринки... гм, к чему бы это? А лицо-то, между прочим, непроницаемое. Попробую-ка её расшевелить.

— О-о! — фальшиво обрадовался я. — С вашей внешностью и фигурой это не проблема! Правда, женщины мне ещё никогда не платили за то, чтобы я...

— Остыньте. Это не то, что вы якобы подумали, а на самом деле захотели преподнести пошловатую шуточку. Слушайте внимательно. Ситуация такая.

Моё имя — миссис Джон Флаерти. Я замужем четыре года. До замужества у меня были... ну, скажем так: отношения с одним человеком...

— Шантаж? — уточнил я.

— Именно. Но шантажист не он. С Генри мы расстались вполне дружески и по взаимному решению. Мы с самого начала не планировали каких-то серьёзных отношений, нам просто нравилось быть вместе. И когда всё закончилось, мы оба отнеслись к этому легко.

— Простите, миссис Флаерти... — перебил я её. — Кстати, как я могу к вам обращаться?

— Эдна.

— Эдна, я так понимаю, что некое третье лицо располагает каким-то материалом — фото, видео, аудио, — тех ваших, ещё добрачных отношений?

— Да. Это видеозапись скрытой камерой из комнаты отеля, где мы с Генри однажды останавливались.

— Так и думал. Но в какой мере это может быть предметом шантажа? Ведь это было ещё до вашего замужества, когда вы были свободной женщиной.

— А вы полагаете, там внизу или вверху кадра стоит дата? Это одно. Главное совсем в другом. Вы женаты, мистер Харрис? И никогда не были? Ну, всё равно, вы ведь мужчина, вот и попробуйте представить себе мужа, который отнесётся безразлично к сцене порнографического характера с собственной женой в главной роли. Даже если она проделывала всё это хоть и с другим мужчиной, но

ещё до знакомства с ним. Извращенцев мы, понятное дело, в виду не имеем.

— Вы правы, конечно, Эдна. Но, как понимаю, в роли именно такого мужа вы меня и хотите представить шантажисту? Которого из них, кстати: мне следует с горящими глазами и пританцовывая от возбуждения спросить, нет ли у него и других роликов с моей женой?

— Не будем переигрывать, мистер Харрис. Вы спокойно скажете, что жена вам всё рассказала, и вы относитесь к этому с пониманием, потому как и у вас до женитьбы были любовные связи с женщинами. После чего сухо откланиваетесь и уходите, не вступая в дальнейшие разговоры.

— И получаю за это восемьсот долларов, и дело закончено? И, что бы ни произошло после этого, меня уже не касается?

— Да.

— Простите, Эдна, я вам точно не нужен как частный детектив? Вы уверены, что всё предусмотрели? Вам не нужна моя консультация или советы?

— За отдельную плату?

— За ту же самую. Просто не люблю попадать в идиотские положения. Мне будет довольно неловко, если этот тип рассмеётся мне в лицо и скажет, что хорошо знает Джона Флаерти, и я на него совсем не похож. Меня волнует только эта

ситуация; то, что он может после встречи со мной пойти и удостовериться, с тем ли он человеком разговаривал, это, как вы сказали, ваши проблемы.

Она открыла сумочку, достала какую-то фотографию и протянула мне.

— Вот, посмотрите. Это мой муж.

Я посмотрел на фото и вздрогнул. Потом-то, разглядывая внимательнее, я увидел, что это, конечно, не я. Но первое впечатление было просто ошеломляющим.

— Да, — признал я, возвращая ей фотографию, — если шантажист не знаком с вашим мужем близко, это должно сработать. Ради любопытства, Эдна, откуда вы узнали, что я так похож на вашего мужа? Мы ведь с вами раньше никогда не встречались.

— А вы точно частный сыщик, мистер Харрис? — усмехнулась она. — Вы не знаете такого простого способа? Тогда я вас научу и, следуя вашему благородному примеру, тоже бесплатно. Загрузила в Google-картинки фото мужа, нажала «Найти похожие» и уже через минуту читала вашу рекламу, которую вы же сами и разместили.

Разумеется, я знал этот способ. И не только этот. Просто не был готов, что и женщина может вот так запросто ориентироваться в Интернет-приложениях. И всё же я на этом не

закончил, а стал её подробно выпрашивать, не картавит ли её муж, не прихрамывает ли, нет ли каких-либо характерных жестов или движений. Судя по её ответам, получалось, что он — абсолютно среднестатистический мужчина, безликий и типичный. Но, в общем-то, это не моя забота.

— Ну, хорошо, Эдна, — сказал я, наконец, — будем считать, что вы всё учли. И когда мы это проделываем? Впрочем, как я понял, я встречаюсь с ним один, без вас?

— Да. Он и знать не будет, что придёте вы, а не я. Пусть для него это станет сюрпризом. Пусть думает, что я ему снова заплачу, как делала это все четыре года.

— То есть, вы платили ему с самого начала замужества? Почему же сейчас решили со всем этим покончить? Он всё время повышает плату?

— И не только это. Вы правы, я бы продолжала платить и дальше, но сейчас у мужа проблемы с деньгами, и я уже не могу незаметно брать такие суммы. Это всё, мистер Харрис? Тогда до встречи через два часа в кафе на углу Оук и Мэйн-стрит. Его дом совсем рядом.

Она встала и пошла к выходу.

— А кто же он, этот шантажист? — спросил я в спину ей. — Какой-то служащий отеля?

— Коридорный, — ответила она не

оборачиваясь, открыла дверь и вышла.

После её ухода... м-м... как это пишут в романах? а, вот: «в комнате ещё долгое время витал запах дорогих изысканных духов».

— Она нас дурачила, — сказал я своему другу и напарнику китайчонку Ли. — Понимаешь, дурачила. Нет, внешне-то всё вроде бы логично и правильно. Но вот интуитивно чувствую, что здесь что-то не так. Уж слишком она была спокойна. Не волновалась, не переживала — словно не жизненную ситуацию, а шахматную задачу решала, и поэтому результат не так уж важен. Ты со мной согласен?

Ли закивал. Он всегда так делает, достаточно лишь слегка тронуть его за голову и качнуть. Ведь Ли — это китайский болванчик, статуэтка на моём столе. Но надо же мне с кем-то советоваться, рассуждать?

Теперь уже мне всё это не нравилось: похоже, меня собираются использовать в каких-то неясных для меня целях. Даже мелькнула мысль: а не отказаться ли? Престижу своему никакого урона не нанесу, ведь это работа не по прямой моей специальности. Но вовремя вспомнилось про 800 долларов и про то, что через неделю вносить плату за аренду помещения. Значит, вариантов нет. Нужно просто внимательно следить за ситуацией, чтобы не подставиться. К тому же, очень может

быть, что я излишне мнителен и что-то себе вообразил абсолютно зря.

Последнее я думаю, сидя в кафе со своей клиенткой. Произошёл обратный отлив, и теперь вижу, что она не просто волнуется, а прямо-таки в смятении. Причём, настолько же выходящем за рамки, как её предыдущее спокойствие. До встречи с шантажистом ещё двадцать минут, мы сидим и болтаем о всякой ерунде. Точнее, болтаю я, а она делает вид, что слушает и иногда даже говорит сама что-нибудь, но всегда невпопад.

В половине четвёртого я ей говорю:

— Ну, так что, я пошёл?

— Нет, — быстро говорит она, что-то мучительно обдумывает, потом с какой-то неестественной улыбкой добавляет:

— Он должен позвонить мне и сказать, что можно приходить, — и снова уплывает от меня куда-то далеко.

Теперь уже я не собираюсь о чём-то разговаривать, и мы сидим в абсолютном молчании, которое прерывает звонок её мобильного. Она поспешно — слишком поспешно! — выдёргивает его из сумочки.

— Да! — нервно кричит она в трубку и тут же радостно вспыхивает, бросает взгляд на меня и продолжает уже ровным тоном:

— Хорошо, я сейчас буду.

И прячет телефон в сумочку, но достаёт оттуда конверт.

— Теперь можно идти. Вот ваши деньги, мистер Харрис, мы, вероятно, с вами больше не увидимся. Надеюсь, у вас всё получится. Видите тот синий дом? Второй этаж, четвёртая квартира. Дверь будет не заперта, чтобы можно было быстро войти и не привлечь внимания соседей. Я на этом настояла ещё перед самым первым разом.

Я беру конверт, бросаю внутрь короткий взгляд, прячу его в карман, киваю ей на прощанье, затем перехожу улицу и иду к дому.

Четвёртая квартира справа по лестнице. Я толкаю дверь и вхожу. Сразу чувствую сильный запах, похожий на запах горелой бумаги или чего-то подобного. Прикидываю, не так ли пахнет сожжённый диск из видеокамеры и усмехаюсь: он что, уже понял, что шантажу конец и сам его спалил?

Меня никто не встречает.

Чёрт, она же мне не сказала, как его зовут! И как тогда его окликнуть?

— Есть здесь кто? — вопрошаю я, представляя, какой страх нагонит на хозяина квартиры мужской голос.

Но мне никто не отвечает. Неужто так перепугался, что затаился и молчит? Ну, молчи-не молчи, а разговор начинать надо. Я решительно

распахиваю ближнюю к себе дверь и захожу в комнату.

Сразу понимаю, что никакого разговора не состоится, потому что прямо за дверью, ногами к ней и лицом вниз лежит тело мужчины в домашнем халате и тапочках, под ним лужа крови, а в шею всажен здоровенный нож. Вряд ли он сделал это сам с перепугу от того, что вместо женского голоса услышал мужской, значит, его убили. Не просто недавно, а буквально только что, потому что кровь ещё не застывала и продолжает капать, стекая ленточкой от лезвия ножа. Я не озираюсь по сторонам и не выхватываю пистолет. И не только потому, что сейчас его со мной нет, но и потому, что искать убийцу в квартире просто нелепо: позвонив миссис Флаерти, что дело сделано, он тут же ушёл. Мне до деталей становится понятен её злодейский план (жаль, что это не случилось пару минут назад), и я хорошо представляю, что будет дальше.

Раздавшийся тут же вой сирены и визг тормозов полицейского фургона подтверждают, что ситуацией я владею и анализирую её неплохо. Обидно только, что пользы от этого никакой.

Я захожу в коридор, чтобы встретить гостей, раз уж хозяин квартиры сделать это не в состоянии. С лестницы доносится слоновье топание, и через полминуты в квартиру вваливается знакомый мне

лейтенант Барри Вильямс, за ним двумя Джомолунгмами возвышаются копы званием пониже, но с такими же неприятными лицами.

— Харрис? — удивляется Вильямс. — Что ты тут делаешь?

— Выполнял поручение клиента, — хмуро говорю я, с тоской представляя, что сейчас начнётся.

Не обращая больше на меня внимания, Вильямс протискивается в комнату, присвистывает, садится на корточки возле тела, осторожно трогает его, осматривает, затем поднимается и выходит в коридор.

— Ну, я смотрю, выполнил ты его неплохо. Твой клиент может быть доволен. Сержант, наручники! Удивил ты меня, Харрис, — продолжает он, пока один из верзил застёгивает на мне браслеты, — вот уж никак бы не подумал, что ты на это способен. Тайком забраться в чужую квартиру в поисках доказательств — да, такое за тобой всегда водилось. Но убийство!

Он помотал головой.

— Труп я обнаружил, войдя в квартиру. У меня было совсем другое поручение, — говорю я, хорошо понимая, как неубедительно звучат мои слова.

— Ага, — пронизательно замечает Вильямс, — значит, будешь врать и изворачиваться.

Думаю, в отделении тебе это делать будет удобнее. Там у нас, знаешь ли, решёточки на окнах! Очень вдохновляют. Глянешь на них — и всякие сказочки прямо-таки сами собой сказываться начинают!

И кивает копам:

— В машину его!

Я думал, что в отделении Вильямс сразу же начнёт меня допрашивать, но я его даже не вижу. У меня изымают всё содержимое карманов и запирают в камеру с какими-то двумя типами, судя по внешнему виду, обычными бродягами. Я не обращаю на них внимания и сажусь на скамью, но один из них ко мне подходит.

— За что тебя, друг? — вроде бы даже участливо спрашивает он.

— Не в том месте улицу перешёл, — хмуро отвечаю я, давая понять, что к разговорам не расположен.

Он усмехается:

— Серьёзное дело. Лет десять тебе впаяют, не меньше!

Но отходит и больше не пристаёт. Второй вообще не говорит мне ни слова, они продолжают о чём-то разговаривать; я, естественно, не слушаю. Не до того мне. Да и не надо.

То, что Вильямс по горячим следам не стал вызывать меня на допрос, понятно: они сейчас обшаривают квартиру, беседуют с соседями и

прочее. Чтобы сразу же утопить меня в возможных доказательствах. Не сомневаюсь, что очаровательная Эдна (или как её там на самом деле?) со своим блестящим аналитическим умом заготовила для меня немало сюрпризов.

Бесполезно даже гадать, что это будет, поэтому я начинаю прикидывать, какие обстоятельства могут быть за меня.

Во-первых, мотив убийства, точнее, его полное отсутствие. Полагаю, не удастся доказать, что я — маниакальный псих, который убил незнакомого человека просто потому, что внезапно захотел это сделать. Не могу я быть и киллером: восемьсот долларов, которые были при мне, ну никак не тянут на плату за убийство.

Во-вторых, у них нет и не будет никаких прямых улик против меня. Тело я не трогал, к ножу не прикасался... Конечно, есть вариант, что я тщательно стёр с него отпечатки пальцев, но чем? и куда эта тряпочка делась? И если даже такая в квартире обнаружится, то на ней не будет моих следов.

На допрос меня вызывают только через пару часов. Судя по довольному виду Вильямса, чего-то они, безусловно, нарыли.

— Чем займёшься, Харрис? — спрашивает Вильямс. — Заставишь меня писать протокол или сам напишешь признательные показания?

— Дай закурить, — прошу я.

— Да для тебя всё, что угодно! Мы всем отделом тебя просто обожаем! Такое в нашей работе редко случается: не надо землю рыть в поисках убийцы; вот он, родненький, прямо возле тела убитого и с кучей доказательств против себя! Спасибо тебе, Харрис, и вот сигарета: заслужил, держи!

Он вставляет мне в рот сигарету и даёт прикурить. Не скажу, что в наручниках курить очень комфортно, но можно.

— Запускай Word, — говорю ему, — протокол писать тебе всё же придётся.

— Да ладно, — добродушно машет он рукой, — подумаешь — протокол! В конце концов, у тебя как преступника оказалась масса других достоинств. С чего начнём?

Я в деталях пересказываю ему все события в моём офисе, кафе и квартире убитого, ничего не пропуская. Даже того, что с самого начала поведение клиентки показалось мне странным. Умолчал только о том, что своими сомнениями поделился с Ли: его-то зачем сюда впутывать?

— Всё? — спрашивает Вильямс.

— Всё, — подтверждаю я. — Так что можешь начинать топить меня доказательствами, которых, уверен, изобретательная миссис лже-Флаерти в квартире заготовила немало.

— Успеется, — говорит он. — Для начала порассуждай — а я послушаю, — о том, что у нас может против тебя не слепиться. Ты же детектив, Харрис — вот и карты тебе в руки.

— На ноже нет моих отпечатков.

— Ты их стёр.

— Для этого нужна какая-то тряпка. При мне её не обнаружили, а времени и возможности её выкинуть у меня не было. Если она в квартире, то опять же на ней могут быть пятна крови с ножа и прочее, но только не мои следы.

— Ты её сжёг, — говорит Вильямс, и я вспоминаю запах чего-то горелого. — Сгорела она не полностью, так что эксперты без труда обнаружат те самые пятна, о которых ты говорил.

— Но без моих следов. Значит, улики косвенные.

— Допустим, что так. Но ты ведь знаешь, что такое совокупность улик. Тебя застали в квартире возле трупа, ну и всё такое прочее.

— Ладно. Оставим тряпку. Я не мог его убить, стоя возле двери. А дальше в комнате следов от моих ног нет.

— Пол помыт. Ты помыл его, а потом снова вошёл, чтобы следы были только возле двери.

Действительно, вспоминаю я, пол был влажный.

— Ну, хорошо. Даже не буду рассуждать о

том, почему это я стал мыть пол вместо того, чтобы просто скрыться. Потому что есть более важный момент: у меня не было мотива для убийства.

Вильямс присвистнул.

— Целых два. Ты сам-то сейчас понял, что сказал? У тебя не было мотива для убийства Бернардо Дзанутти?

Я похолодел.

— Так это он?

— А ты, надо думать, этого не знал.

Я покачал головой.

— Откуда бы? Ты же видел: он лежал вниз лицом. А я к нему даже не прикасался. Да-а... Тогда моё дело действительно плохо... А второй? Ты сказал, что их два.

Вильямс открыл папку, лежавшую перед ним, и достал оттуда конверт.

— Узнаёшь?

— Ну да, этот конверт она дала мне в кафе, в нём 800 долларов. А что, на рынке цен за убийство резкое падение?

— Это не он. Это его брат-близнец. Мы нашли его в твоём офисе на столе между бумагами. В нём чек на 15 тысяч. Это, конечно, ниже официального курса оплаты заказного убийства, но вкупе с тем, что у тебя самого были причины... Ну, ты понимаешь.

Я снова качаю головой.

— Гениально. Как она это сумела? Я же с неё, по-моему, глаз не сводил. Хотя... она могла, пожалуй, это сделать, когда я рассматривал фотографию.

Развожу руками, насколько это позволяют наручники и говорю:

— Похоже, шансов выпутаться у меня действительно маловато. Но признание писать всё равно не буду. Из принципа. Сами доказывайте.

— Докажем, — говорит Вильямс, но в голосе его я слышу какие-то странные нотки, которые снова вселяют в меня надежду.

— Слушай, лейтенант, — говорю я, в упор глядя на него, — а ведь есть что-то такое, что тебе не нравится!

Некоторое время он сидит, глядя на стол, затем поднимает на меня взгляд.

— Есть. Попробуй угадать, что.

— Да легко. За всю карьеру полицейского ты ни разу не приезжал на убийство так, чтобы у трупа ещё кровь не запеклась. А приехали вы так оперативно потому, что в полицию позвонила женщина и взволнованным голосом сказала, что живёт в том самом доме в... — я прикидываю, — во второй квартире. И только что слышала, что в квартире наверху был страшный шум борьбы и упало что-то тяжёлое. Потом, когда вы стали её опрашивать, она сказала, что в полицию не звонила.

Всё угадал?

— Почти. Звонил мужчина. Но ведь ты понимаешь, что это слабый аргумент. Люди зачастую не хотят связываться с полицией, чтобы не иметь лишних хлопот. Он мог позвонить нам, а потом от всего откреститься.

Я смотрю на него, соображая. Он несколько раз притаскивал меня в этот участок по подозрению в проникновении в чужие квартиры, офисы, похищении данных с компьютеров и ещё во многом другом, что иной раз приходится делать частному сыщику в интересах клиента, но ни разу не смог ничего доказать: работал я чисто и следов не оставлял. Отношения между нами сложились неприязненные, но, тем не менее, у меня было впечатление, что человек он порядочный. А теперь на это все мои надежды.

— Слушай, лейтенант, — говорю я, — ты можешь мне ответить на один вопрос? Я понимаю, что у тебя на руках практически раскрытое убийство. Это очень удобно и приятно. И соблазнительно. А мою версию ты проверять будешь?

Некоторое время он молчит, потом достаёт из пачки две сигареты, одну суёт мне, вторую закуривает сам.

— Знаешь, — говорит он, откидываясь в кресле, — за что я не люблю вас, частных

сыскарей? Вы легко нарушаете закон — это раз. Второе: вы считаете, что полицейские — это ленивые и продажные люди, которые только мешают вам, героям-одиночкам, защищать интересы граждан. В-третьих, вы можете избить человека до полусмерти, как ты сделал это с Дзанутти, вместо того, чтобы передать его в руки правосудия, снабдив необходимыми уликами.

— Ну уж, до полусмерти! — возражаю я. — Просто набил рожу...

— В-четвёртых, — продолжает он, не обращая внимания на мою реплику, — встречаясь с людьми, подобными Дзанутти, я, может, и сам иногда вам завидую, что не могу сделать то же самое!

— То есть, — уточняю я, — мою версию ты всё-таки проверять будешь?

Он тушит в пепельнице недокуренную сигарету, смотрит мне в лицо и говорит:

— Буду.

Кстати, лицо у него не такое уж и неприятное.

— Буду, — повторяет он, — потому что есть ещё одна деталь, о которой ты не знаешь. Смотри, — он достаёт из конверта с чеком плотную стереооткрытку с каким-то лесным пейзажем. — Соображаешь?

Я киваю.

— Конверт, вероятно, обнаружили среди

папок. Чтобы его туда засунуть, пришлось бы приподнять верхние папки; такое я, конечно бы, заметил. А открытка придала конверту необходимую жёсткость, и он вошёл туда, как нож в масло.

— Всегда они на этом ловятся, — говорит Вильямс. — Как только начинают подбрасывать улики, обязательно переусердствуют. Вот чем их не устраивала версия, что ты прикончил Дзанутти на почве личных неприязненных отношений, как пишется в протоколе? Нет, решили ещё чек подбросить. Ладно, давай дальше. Ты ведь наверняка уже всё обдумывал. Идеи есть?

— Была одна. Фотография. Раз я похож на её мужа, значит, и он на меня тоже. Но теперь думаю, что это липа, а на фотографии был случайный человек.

— Всё равно проверим на всякий случай. Хотя думаю так же. Больше ничего?

— Есть мысль. Раз они переусердствовали с уликами, значит, не очень уверены, что им удалось меня подставить. Ты ведь вызвал меня на допрос сразу же, как приехал? — увидев его утвердительный кивок, я смотрю на настенные часы. — То есть, прошло ещё менее часа.

— Ага... Ты думаешь, что они откуда-то наблюдают, отпустим мы тебя или нет... Откуда это удобнее всего сделать?

— Кафе «Эсмеральда», — я ещё раз смотрю на часы. — В это время там достаточно много народу, а ваша дверь, как на ладони.

— Логично. Ты в Faces 4.0 работаешь? Вот и отлично. Садись на моё место и составь её фоторобот. А я сейчас всё организую. Паркер, сними с него наручники!

Программу я знаю хорошо, поэтому через семь минут фоторобот готов. Как раз подходит и Вильямс, я уступаю ему его законное место. Он протягивает мне бумагу:

— Подписка о невыезде, распишись. Все официальные вопросы улажены. Остался только один момент. Роджерс, иди сюда! — кричит он куда-то в дальний угол кабинета.

К нам подходит совсем молоденький парнишка-полицейский.

— Пива хочешь? — спрашивает его Вильямс.

Тот ухмыляется:

— Угощаете?

— Почти. Переоденься в штатское: сейчас пойдёшь в кафе «Эсмеральда», вот там и попьёшь. Через, — он прикидывает, — десять-пятнадцать минут из отделения выйдет мистер Харрис. Мы полагаем, что кого-то из посетителей кафе это очень взволнует. Это может быть либо мужчина, либо вот эта женщина, — он кивает на экран монитора. — Пока ещё мы им ничего предъявить не

можем, поэтому их необходимо выследить и установить личность. Позвони своему другу... ну, этому бездельнику, у которого мотоцикл... Может понадобится: вдруг они на машине?

Роджерс обрадованно кивает — это же намного интереснее, чем сидеть над какими-то бумагами! — и почти выбегает из кабинета, на ходу вытаскивая мобильник.

После его ухода мы с Вильямсом пытаемся построить версию событий. Отталкиваемся, естественно, от личности Дзанутти.

Трудно найти род преступной деятельности, которой бы он не занимался: этот человек не брезговал ничем. Шантаж, мошенничество, сутенёрство, организация ограблений, рэкет — это только то, что знаю о нём я. Вильямс, разумеется, знает больше и упоминает ещё подделку чеков и сбыт наркотиков.

Моим личным врагом он стал после того, как довёл до самоубийства мою клиентку — молоденькую девчонку-школьницу, которая до смерти (в переносном и, как потом оказалось, в прямом смысле слова) боялась, что её пуританские родители увидят запись с камеры наблюдения в клубе, где она курит, пьёт вино и целуется с молодым человеком. Девчонка была племянницей моего друга; он и привёл её ко мне и попросил помочь. Я в то время вёл сразу два дела, но без

колебаний обещал, что помогу. Однако глупышка не сказала, что именно в тот день она должна была внести очередную сумму, поэтому я решил, что займусь этим завтра. На следующий день, когда я уже установил местонахождение Дзанутти (тогда он жил в отеле «Палмерайс») и собирался с ним встретиться, позвонил Сэм и сказал, что вчера по почте родители получили диск. Девчонка об этом узнала, сразу поняла, что это за диск и наглоталась какой-то гадости. Спасти её не удалось.

Я впрыгнул в машину, помчался в отель, выломал дверь в номер и истерично стал его избивать. Наверное, Вильямс всё-таки прав: я избил его до полусмерти. Меня оттащили полицейские, которых вызвала администратор отеля. Ночь я провёл в участке, но утром меня выпустили: Дзанутти не стал подавать заявление, так как, по-видимому, не желал светиться в любого вида полицейских протоколах. Я возместил ущерб отелю, но после этого ещё два раза, случайно встречаясь с Дзанутти, без всяких приветствий и объяснений бил ему морду.

Очень быстро мы с Вильямсом приходим к выводу, что версию построить просто невозможно как раз из-за широкого спектра преступной деятельности убитого: иди знай, кто и за что с ним рассчитался. Поэтому приступаем к осуществлению ранее задуманного, надеясь, что установление

личности тех, кто пытался меня подставить, поможет решить эту задачу.

— Изображай на лице естественную радость человека, избежавшего ложного обвинения. Но не переусердствуй, — предупреждает Вильямс. — И поблизости не крутись. Езжай к себе в контору, а я потом тебе позвоню.

Мы обмениваемся номерами мобильных, я киваю ему и выхожу из кабинета. На крыльце потягиваюсь, полуобернувшись назад, окидываю взглядом окна и вывеску, не спеша лезу в карман и закуриваю. Вильямс предложил ехать в офис, но я решаю сначала забрать свою машину, которую оставил возле кафе на углу Оук и Мэйн-стрит. Выхожу к дороге и сразу же вижу вывернувшее откуда-то такси. Выставляю вверх большой палец, таксист меня замечает, тут же подруливает к тротуару и предупредительно распахивает дверцу. Не докурив, выбрасываю сигарету, сажусь, пристёгиваюсь и называю адрес. Он согласно кивает, включает скорость, трогается, и в этот момент я чувствую, что на заднем сидении кто-то есть.

— Интересно, на чём я могла проколоться? — вроде бы даже и не спрашивает, а рассуждает знакомый мне женский голос. — Не оборачивайтесь! Сидите прямо и смотрите вперёд! У меня пистолет! — добавляет она, увидев, что я

хочу повернуться.

Я подчиняюсь.

— Так я задала вопрос!

В таких случаях лучше говорить правду: навредить это мне ничем не может, а искренний ответ создаст степень доверия к моим словам, — и я рассказываю про стереоткрытку.

— Генри, ну ты теперь понял, что ты — идиот? Так что впредь не напрягай мозги, действуй руками — это у тебя лучше получается, — а думать буду я!

— Вы полагаете, у вас будет что-то «впредь»? — дёрнул меня чёрт съязвить.

Это сразу же останавливает готовую вспыхнуть между ними перепалку.

— Генри, ну что ты так тащишься? Давай быстрее! Что же касается «впредь», мистер Харрис, то лично у вас это «впредь» будет, может, и не очень приятным, но зато интересным. Это я вам обещаю.

Хоть несколько и стемнело, но в маршруте я ориентируюсь. Настораживает, что мне не завязали глаза: в моём положении это означает, что поездка назад не запланирована. Надо что-то предпринимать. Допустим, отстегнуть незаметно ремень я смогу. Но что дальше? Оружия у меня нет, а выпрыгнуть на ходу не получится: как только Эдна подала голос, Генри заблокировал мою дверь.

Значит, надо ждать, пока ситуация не станет более благоприятной.

Но эта женщина снова на шаг впереди меня. Я чувствую, как мне в шею впивается игла шприца, и буквально сразу и машина, и вечерний пейзаж за её окном начинают, ускоряясь, вращаться, пока полностью не растворяются в ярком белом пятне.

Моё возвращение в реальный мир носит довольно грубый характер. Обычно в таких ситуациях принято осторожно похлопывать по щеке, но со мной не церемонятся, и я начинаю приходить в себя после весьма мощного удара в челюсть. Мотаю головой и с трудом открываю глаза.

Я на стуле в каком-то помещении. Надо мной склонился Генри. Он уже готов повторить процедуру пробуждения, но, увидев, что я очнулся, удовлетворённо кивает и отходит в сторону. Я протягиваю руку к челюсти и осторожно её массирую. Это даёт мне возможность осознать, что я не привязан. Посмотрим, можно ли этим как-то воспользоваться.

— Давненько не виделись, Харрис!

Я поднимаю взгляд и обалдеваю. Да и есть отчего: передо мной Бернардо Дзанутти! Кого же тогда они убили? И как так получилось, что полиция его опознала в качестве трупа?

— Приятно на тебя посмотреть, Харрис!

Выглядишь, как полный идиот, даже рот от изумления раскрыл. Пожалуй, окажу тебе небольшую услугу: перед тем, как прихлопнуть, расскажу, как мы всё это провернули. Очень уж мне хочется посмотреть на твоё лицо, когда ты узнаешь, что с тобой играли, как со щенком.

Насчёт «прихлопнуть» вряд ли врёт: в правой руке у него пистолет и, разговаривая со мной, он постукивает стволом по левой ладони.

Уже довольно осмысленным взглядом окидываю комнату. Кроме этих двоих никого нет.

Дзанутти всё понимает.

— Да, её здесь нет. Хотя всё придумала именно она. Умная женщина, правда, Харрис? Вот ведь что можно выжать из невинного вроде бы увлечения: так просто, ни для чего, разыскивать в интернете по фотографиям похожих людей. И вот тебе — раз! — и пригодилось. Представляешь, оказывается, в Оклахоме живёт... в смысле, жил... бедолага, похожий на меня так, что дальше просто некуда.

— Не понимаю, — пожимаю я плечами. — Ну, привезли беднягу, убили... А дальше? Судмедэксперты снимут с трупа отпечатки пальцев, и выяснится, что это не ты.

— Для того, чтобы снять с трупа отпечатки пальцев, нужно, как минимум, иметь труп!.. Ох, как приятно смотреть на твоё лицо, Харрис! Век бы

любовался. Так нет ведь у них трупа, нет, понимаешь? Привезли в морг, положили в камеру... А потом приехали эксперты, открывают, а там — пусто! И ничего сложного, я ещё и не такое могу делать.

— Где Эдна? — спрашиваю я, лишь бы о чём-то спросить.

Они переглядываются.

— Это ты о Милдред? Да ладно, скажу тебе и это. Ты ведь всё равно никому не расскажешь. Она, видите ли, почему-то против того, чтобы я с тобой покончил. Думала, я велел привезти тебя сюда, чтобы выведать всё, что мне нужно. А как узнала, так с ней даже истерика случилась. Пришлось связать и запереть в комнате: пусть остынет, свыкнется... Так что если ты хотел перед смертью с ней попрощаться, ничего не выйдет. Снова разволнуется — ты ведь этого не хочешь? Она и так расстроилась, что тебя не посадили. Считала, что в убийстве тебя обвинить не смогут: улики слабые да и труп — главное доказательство — исчезнет... Но я решил по-другому, и такой вариант мне гораздо больше нравится.

Он снова, на этот раз как-то многозначительно, стукнул пистолетом по ладони.

— Ну вот, у меня, собственно, всё. Пора заканчивать. Впрочем, если есть какие-то вопросы — с удовольствием отвечу. На тебя смотреть очень

забавно — почему бы не поразвлечься?

Я лихорадочно размышляю. Их двое. Пушки у обоих. Более реальный вариант, естественно, Дзанутти. Если броситься к нему, Генри стрелять мне в спину побоится: можно ведь и в шефа ненароком попасть. Выхватить у Дзанутти пистолет, приставить к виску и потребовать, чтобы Генри выбросил оружие. Но расстояние между нами метра четыре. Нет, не успею. Как бы заставить его подойти поближе?

— Зачем тебе вообще весь этот цирк понадобился? Ну, чтобы тебя посчитали убитым?

— О-о! Значит, понадобился. А вот тебе это знать действительно ни к чему. Там, где ты скоро окажешься, этим не интересуются: либо цветочки нюхают, либо в котлах варятся — это уж куда направят. От всей души желаю тебе последнего и прямо сейчас в этом помогу.

Он решительно поднимает пистолет. Ну, всё, Мэтт. Громкий звук выстрела — вот последнее, что ты услышишь в этом мире.

Но всё происходит не так. Громких звуков я слышу не один, а несколько: внизу раздаются мощные удары в дверь и доносится голос Вильямса:

— Откройте! Полиция!

Карнеги утверждает, что для каждого человека самый приятный в мире звук — это звук

его имени. Но бывают, оказывается, ситуации, когда слово «Полиция!» звучит гораздо приятнее, чем «Мэтт Харрис»!

И Генри, и Дзанутти просто ошеломлены, но это не будет продолжаться вечно. Так оно и есть. Оба, как по команде, поднимают стволы и направляют в мою сторону. Генри успевает раньше Дзанутти, но не раньше меня: за долю секунды до выстрела я нырком бросаюсь ему в ноги, обхватываю их и с силой дёргаю, одновременно пинком сшибая с ног Дзанутти.

Сразу же после выстрелов дверь внизу начинает обнадёживающе трещать, и слышно, что она вот-вот вылетит. Это заставляет моих врагов поменять тактику: они вскакивают на ноги и бросаются к двери в дальнем углу комнаты. Дзанутти всё же на бегу оборачивается и стреляет в мою сторону, но я мигом перекатываюсь к стене, и он тоже мажет. Генри таких попыток, к счастью для меня, не делает.

В боевиках детективу в таких случаях положено, даже будучи безоружным, преследовать негодяев, ловко уворачиваясь от пуль. Я такой глупостью заниматься не собираюсь, но к окну подскакиваю. На улице темно, однако от окон падает свет, и я вижу, что буквально рядом с домом озеро или река; ещё виден дощатый причал и силуэт катера. Не составляет труда сообразить, что

будет дальше.

Откуда-то снизу выскакивают две тёмные фигуры; но я различаю, кто из них кто. Они бегут к причалу, Дзанутти впрыгивает в катер и запускает двигатель, Генри отвязывает канат и следует за ним. Несколько секунд — и катер резво начинает удаляться.

К причалу подсакивают полицейские и открывают стрельбу. Непонятно, удалось ли им в кого-то попасть, но катер уверенно набирает ход и скрывается в темноте.

— Живой! — приветствует меня Вильямс, входя в комнату. — Ну, благодари Роджерса и его друга-мотоциклиста. Роджерс сразу же обратил внимание на такси, которое резко тронулось с места, едва ты вышел. Стал незаметно за ним следовать, позвонил мне, доложил обстановку и сообщил маршрут. Словом, здесь всё обошлось, но этих мы упустили.

— А чего ж ты дом-то не оцепил? Тогда бы они не ушли.

— Смотрите-ка, он мне решил указать, что надо было делать! Не оцепил потому, что сразу кое-кого спасать бросился. Роджерс сказал, что тебя из машины, как мешок, выволокли. Поэтому и торопились мы. А вот ты, Харрис, повёл себя действительно непрофессионально. Даже забудем о том, что ты — частный сыщик, но ведь едва ли не в

каждом детективном романе сообщается, что в подобной ситуации нельзя садиться в первое же такси! Книжки читать нужно, если сам не соображаешь!

Я досадливо морщусь: прав он, конечно. И в этом, и в том, что я действительно действовал очень глупо.

— Что теперь делать, ума не приложу, — размышляет Вильямс. — Твою красавицу мы по нашей базе пробить не смогли: похоже, она ни в чём не засветилась. Так что и в розыск не подашь. Для этого надо знать, кто она такая...

— Может, у неё самой спросить? — предлагаю я.

Вильямс смотрит на меня непонимающе.

— Она здесь, в какой-то из комнат. Связанная.

— Вот те раз! А кто же тогда убежал?

— Первого зовут Генри, больше о нём ничего не знаю. А второй — Дзанутти! Живой и невредимый.

Полицейский присвистнул.

— Та-а-к! Ага, вот, значит, почему тело из морга похитили! Хитро! В случае удачи сразу двух зайцев убивал: тебе отомстил и от Жадного Чака скрылся.

— Так вот к чему весь этот цирк!

— Ну да. Пока ты на такси катался, я поднял всех своих осведомителей... Ладно, давай твою

красавицу искать, а между делом и расскажу.

Мы начинаем последовательно обходить все комнаты дома.

— Так вот, ситуация такая. Дзанутти в нашем городе недавно, года четыре. Попытался сначала обдeldывать дела самостоятельно. Пока по мелочам работал, на него внимания не обращали, а вот когда вышел уже на солидный уровень, ему ласково намекнули: Стоп! Чужаков нам не надо! Тогда он пошёл к Чаку в подручные. Тот ему определил сферы, пустил в свободное плавание: крутись, мол, как хочешь, но мне процент отстёгивать не забывай. И была у них идиллия, пока Чаку не шепнули, что Дзанутти часть денег от него утаивает. А ты Чака знаешь: будь его лучшим другом, но хоть цент утай — не жить тебе больше. А Дзанутти даже не друг, а чужак, да и утаил не цент, а несколько десятков тысяч. В таких случаях Чак даже и не предупреждает, а сразу отправляет к праотцам. Но, видимо, Дзанутти кто-то предупредил. Вот он и решил инсценировать собственное убийство. И тут нужно было правильно попасть с персоной убийцы, ведь кто бы на такое пошёл: лишить Чака удовольствия самолично расправиться с тем, кто его кинул? И тут просто идеально подвернулся ты со своими двумя мотивами... Ну, здесь никого нет, как видишь, давай посмотрим на первом этаже.

В первой же комнате, куда мы входим,

становится очевидно, что Дзанутти не соврал. Только вот лично для нас пользы от этого никакой: на полу валяется верёвка, а распахнутое окно подсказывает, что произошло дальше.

Вильямс поднимает верёвку и внимательно разглядывает.

— Надо же — целая! И узел не развязан. Как же она тогда...

— Не знаешь? — удивился я, тоже осмотрев узел. — Сибари, японский способ связывания. Преимущество — полное обездвижение связанного. Недостаток — от верёвки можно избавиться за секунды, если не удалось плотно свести руки тому, кого вяжешь, и осталась слабина: он потом сведёт руки плотно, и верёвка упадёт сама. Представляю, как эта хитрюга вопила и уверяла, что ей невыносимо больно! Они ей поверили, и результат ты видишь.

— Итого: троих человек нужно объявлять в розыск, но только об одном из них мы можем сообщить какие-то данные, — констатирует Вильямс. — Ну, мне это теперь почти что всё равно. Отрадно думать, что в нашем штате Дзанутти больше не появится, так что пусть теперь с ним другие копы воюют. Для страховки солью журналистам информацию, что убит не он. Тогда его в Канзас ничем не заманишь: сообразит, кто его тут с нетерпением поджидает. В розыск их, конечно

объявлю. Поедем к нам: составишь фоторобот Генри — и свободен.

Вернувшись в свою контору, сообщаю Ли, что клиентка меня обманула: обещала, что заработаю 800 долларов за несколько минут, а я провозился весь день. Есть ещё, правда, чек на 15 тысяч, но вряд ли полиция мне его вернёт, поскольку это вещественное доказательство. Да и что-то подсказывает мне, что чек фальшивый. Мы с ним беседуем и приходим к выводу, что полиции можно обо всём этом забыть, а вот мне — нет. Никаких сомнений, что Дзанутти постарается меня убрать как нежелательного свидетеля, знающего в лицо всю троицу; а поскольку в городе у него остались сообщники, то и развития событий в этом плане долго ждать вряд ли придётся. То есть, выход у меня только один: самому разыскать их и каким-то способом решить ситуацию.

Как искать Генри и Дзанутти — тайна за семью печатями. Самый реальный шанс — женщина. Но всё, что я на данный момент о ней знаю, так только то, что её зовут Милдред. При нынешнем состоянии Сети это уже немало. Но мне вспоминается и ещё одна деталь, которая может существенно облегчить поиски.

«Вы всегда разговариваете одними наречиями? Или другие части речи вам тоже знакомы?» Пожалуй, это выдаёт в ней специалиста.

Почему бы не предположить, что она по образованию преподаватель английского языка? По крайней мере, это вариант.

Начинаю, конечно, с Принстонского университета. Не особо-то надеюсь на успех, однако буквально сразу в списке выпускников восьмилетней давности обнаруживаю некую Милдред Стоун. Личное фото отсутствует, а на групповой фотографии она на заднем плане и достаточно мелко. Вроде бы похожа, но утверждать наверняка нельзя. Все запросы в Гугле уже конкретно по Милдред Стоун не дают абсолютно ничего. Так что вариант один. Звоню своему другу Стиву Богарту, который работает экспертом-криминалистом в полицейском управлении.

Он долго не берёт трубку, наконец, слышу его «Да...», сказанное весьма слабым голосом.

— Стив, мне нужна твоя помощь. Срочно.

— Мэтт... Иной раз я просто мечтаю с тобой разругаться. Тогда ты перестанешь мне звонить в два часа ночи...

— Два часа! Чёрт, и в самом деле... Прости, дружище, что-то я...

Я виновато умолкаю, но не отключаюсь, ожидая его реакции.

— Действительно что-то важное, или ты это просто так брякнул? — спрашивает он, зевая.

— Ну, это кому как, — я приободряюсь от того, что он не бросил трубку. — Кому-то всё равно, если пристрелят Мэтта Харриса, а вот мне будет немного жаль.

— Мне тоже. Ладно уж, говори.

— Нужно пробить по вашей базе некую Милдред Стоун, выпускницу Принстонского университета, преподавателя английского языка. Вильямс уже пробовал, ничего не нашёл, но он делал это только по фотороботу, а больше на тот момент никаких данных не было. Я могу тебе переслать групповое фото её факультета, там подписано, которая она. Меня интересует место жительства её и родителей, все личные сведения: замужество, работа и всё такое же другое.

— Засылай. А когда тебя собираются пристрелить: сейчас или подождут до утра?

— Уверен, что подождут. Может, даже до вечера. Так что ложись спать, Стив.

— Спасибо тебе, Мэтт. Пожалуй, не буду с тобой разругиваться.

Спохватываюсь, что мне тоже поспать необходимо, внимательно проверяю все окна и двери, сую под подушку револьвер и проваливаюсь в сон.

Утром после завтрака решаю никуда не выходить, пока не получу сообщение от Стива, и к 11-ти его получаю. Сведения скудные, но и их

хватает.

После окончания университета работала в одной из школ Нью-Джерси. Всего полгода. Уволена за какой-то проступок. Какой именно, понять сложно. Формулировка приказа довольно мутная: что-то о нарушении нравственно-этических норм. Но здесь очень помогает тот факт, что в тот же день уволен охранник школы Генри Фишер. Генри! Вряд ли это совпадение. По всей видимости, Стив думает так же, поэтому и приложил данные по месту жительства Фишера.

— Представь ситуацию, — говорю я Ли, — Дзанутти вынужден бежать из Канзаса. Может вся эта троица оказаться в доме Генри, город Мидлтаун, штат Нью-Джерси?

Ли согласно кивает.

— Вот и я думаю так же. Так что поехал я туда, а ты без меня не скучай.

Бронирую одноместный номер в гостинице «Комфорт» и билет на самолёт до аэропорта Кеннеди: от него до гостиницы всего 24 мили. До рейса ещё четыре часа, поэтому закуриваю и, наконец-то, начинаю размышлять о том, за каким, собственно, дьяволом туда еду и что собираюсь делать. Вполне вероятно, что для штата Нью-Джерси эта троица — законопослушные граждане, и мой вопль «Вот они, хватайте!» вызовет в местной полиции, в лучшем случае,

лёгкое недоумение. Хотя... Ну да, Вильямс ведь объявил их в розыск, а у нас им можно предъявить похищение человека, то есть меня, с целью убийства. А там, стоит потянуть ниточку, и всплывёт труп бедолаги из Оклахомы.

Я приободряюсь. Получается, неважно на территории какого штата они задержаны, лишь бы это задержание состоялось.

Из этого следует, что ехать в Мидлтаун необходимо. Необходимо открыть их местонахождение, ну, а там — по ситуации.

По-прежнему, самым слабым звеном в этой преступной цепочке представляется мне Милдред. Во-первых, она была против убийства, во-вторых, её связали и, убегая, по сути, бросили. Факт первый должен бы её отвратить от группы опасных преступников и заставить задуматься, что наказание за такие преступления бывает максимальным. Факт второй явно требует с её стороны отпущения. То есть, существует вариант, что на определённой стадии мы можем быть с ней союзниками.

И всё же искать мне следует не её, а Генри и Дзанутти. Хотя бы потому, что она в любом случае окажется рядом с ними.

В аэропорту встаю в очередь к стойке регистрации и почти сразу же слышу сзади знакомый женский голос:

— Возьмите ещё билет на меня: я осталась без денег.

Оборачиваюсь и обескураженно мотаю головой: опять она впереди, а я плетусь за нею.

Разумеется, без колебаний выполняю то, о чём она просит, и мы снова подходим к стойке регистрации.

— Есть что-то запрещённое к провозу? — задаёт мне девушка стандартный вопрос.

Я молча достаю свой револьвер, вынимаю обойму, прикладываю разрешение на ношение оружия и подаю тут же подошедшему служащему аэропорта. Он тоже молча забирает у меня всё это и уносит, чтобы упаковать в специальный контейнер, который мне вернут в аэропорту Кеннеди.

Через сорок минут мы в самолёте. По лицу Милдред понятно, что она твёрдо намерена молчать и не отвечать ни на какие мои реплики, но всё же делаю такую попытку.

— А не проще ли мне было сдать вас в полицию, а там бы уж выяснили всё, что нужно? — я вроде бы и не спрашиваю её, а просто рассуждаю вслух после того, как мы занимаем свои места.

И это срabатывает.

— Не проще. Сами подумайте, что мне могут предъявить в вашей полиции, пока я одна, без Генри и Дзанутти? Кроме вас, меня никто не видел, так что — ваше слово против моего. Но дело даже

не в этом...

Всё предыдущее она говорила, глядя в спинку переднего кресла, а тут коротко взглядывает на меня, и я вижу в её глазах некую решимость.

— Словом, Мэтт, обстоятельства складываются так, что я вынуждена вам открыться. У меня попросту нет другого выхода. В общем, так: я — агент ФБР под прикрытием, и мне нужна ваша помощь.

Пора бы мне уже привыкнуть, что эта женщина постоянно меня чем-то ошарашивает, так ведь нет, не получается. Вот что она, например, сделала сейчас: преподнесла свою очередную ложь, или, наконец, сказала правду?

— Почему вы обращаетесь ко мне, а не в свою контору? — приходится делать вид, что я ей поверил.

— Потому что в данной ситуации вы можете помочь лучше, чем вся наша контора. Если совсем откровенно, то контора вообще ничего сделать не сможет, и мою часть операции можно считать проваленной. А вот вы... вы можете всё исправить.

— Слишком грубая лесть, — говорю ей. — Меня не убеждает даже ваша искренняя интонация и честный взгляд: и то, и другое мне уже знакомо.

— Но, Мэтт, я говорю правду! Давайте я вам расскажу всю ситуацию, и вы сами в этом убедитесь.

Самолёт начинает выруливать на взлётку, бортпроводница с энтузиазмом ведёт иллюстрируемый ею же рассказ про привязные ремни и спасательные средства.

— Пожалуй, — говорю я, кивая в сторону проводницы, — это я уже много раз видел и слышал, отчего бы не послушать что-то новенькое?

— Обещаю вас не разочаровать, мой рассказ будет интереснее.

Моей задачей было столкнуть между собой Дзанутти и Жадного Чака. Когда я выяснила, что Дзанутти утаивает от Чака часть доходов, позаботилась, чтобы Чаку стало об этом известно. Реакция его была предсказуемой, но допустить, чтобы Чак расправился с Дзанутти нельзя: тот сыграл свою роль в нашей операции ещё не до конца. Он был в жуткой панике и хотел бежать, но это нас тоже не устраивало. И тогда я предложила ему вариант с двойником: нашла в Алтусе одного клерка, который похож на Дзанутти, как две капли воды. План был такой: я прихожу к вам и потчую сказкой про шантажиста. Вы идёте выполнять моё поручение, но, увидев двойника, принимаете его за подлинник и набрасываетесь с кулаками. Клерк был в курсе, что его побьют, но за ту сумму, которую ему отвалили, согласен был потерпеть. После вашего ухода он щедро поливает томатным соком голову и пол и изображает мёртвого. Я его

фотографирую и по своим каналам отправляю фото Жадному Чаку. Ему это преподносят как несчастный случай — во время драки в падении ударился головой об стол, — и сообщают, кто это сделал. Ваше отношение к Дзанутти известно достаточно широко, так что сомнений у Чака, что всё это правда, возникнуть не должно. Потом бы, естественно, всё раскрылось, и Дзанутти сыграл бы в нашем спектакле свою последнюю роль: мы хватаем Чака на попытке его убить.

Но всё пошло не так. Дзанутти решил, что клерк может проболтаться и, втайне от меня, внёс свои изменения. Я об этом узнала только в том доме, куда мы с Генри вас привезли.

— Генри тоже из ФБР?

— Нет, но он причастен к тому, что я там работаю... Он соблазнил меня, когда я была ещё совсем молоденькой дурочкой и работала в школе. Меня оттуда выперли вместе с ним за один случай... неважно. Вот тогда-то ко мне и заявили фэбээровцы, доступно объяснили, что он — бандит, на счету которого несколько убийств, предъявили доказательства и предложили работать на них. Генри должен был стать неким ключиком, который откроет передо мной двери в преступный мир. Я была не только в шоке, но ещё и в гневе. Поэтому согласилась.

— Двойника Дзанутти убил он?

— Да, и в полицию тоже он позвонил. А потом сказал мне, что Дзанутти требует доставить вас к нему. Я догадывалась, что здесь что-то не так, но сделать ничего не могла. Рассчитывала, что в доме смогу вам помочь сбежать, но тоже не слепилось.

— А откуда вы узнали, что я полечу в Мидлтаун?

— А я и не знала. Приехала в аэропорт, чтобы охмурить какого-нибудь одинокого мужчину и предложить отвезти меня в Мидлтаун, а там от него отделаться. Но когда увидела вас, сразу поняла, что вы меня вычислили и летите туда, куда мне надо.

— Почему вы считаете, что я могу вам помочь, а вся ваша контора сделать это не в состоянии?

— А что здесь можно сделать? Дзанутти фактически выкинул меня из своих подручных. Не может ведь шеф нашего отдела ФБР приказать ему взять меня обратно? И даже если я сейчас заявлюсь к Дзанутти одна, покаюсь и буду умолять простить, скорее всего, он мне не поверит и при первом удобном случае ликвидирует. И совсем другое дело, если я сдам ему вас!

Наверное, в этот момент у меня было не самое умное выражение лица. Ну, с выпученными глазами-то я быстро справился, а вот насчёт остального не ручаюсь.

— Можно об этом подробнее, — хрипло прошу я, начиная, впрочем, понимать её замысел.

— Я заявлюсь в дом Генри — эта парочка, разумеется, там, больше им быть просто негде — и скажу, что прекрасно понимаю, что без них мне просто не выжить, поэтому прошу меня простить и взять обратно. И что в качестве компенсации за своё необдуманное поведение я привела к ним Мэтта Харриса, который находится в известном мне месте и где они могут без помех с ним расправиться. Конечно, они начнут выпытывать, как мне это удалось, и я им расскажу, как избавилась от японского узла и убежала от полиции, а потом поздно вечером пришла к вам на квартиру и в качестве приманки подбросила инфу о том, что знаю ваше местоположение, и готова ею с вами поделиться, если вы пообещаете замолвить за меня словечко перед полицией.

— Неплохо придумано, — киваю я. — Самое главное, что я до самого конца не буду знать, на чьей вы в действительности стороне. До тех пор, пока не выяснится, кто из нас в ловушке: я или они.

— То есть, вы отказываетесь?

— Говорите дальше.

— Лучше я вам нарисую план того места, где вы будете в засаде.

Зная о её уверенном владении компьютером, ожидаю, что она воспользуется планшетом, но

Милдред достаёт из сумочки обыкновенный блокнот и ручку.

— Сначала напишу вам адрес Генри: Мидлтаун...

— ...Либерти-стрит, 20. Ваш дом совсем недалеко от него: Коновер-авеню, 7.

— О-о! Пожалуй, вы и в самом деле частный детектив. А то со времени нашего знакомства я уже несколько раз начинала в этом сомневаться. Ну что же, тогда всё проще. Нам нужно изолировать Генри от Дзанутти. Разбить эту парочку, разложить её на составляющие. Сейчас Дзанутти до судорог боится оказаться в Атчисоне, потому что там Жадный Чак. Но это пока с ним Генри. А не будет Генри, тогда ему начнёт казаться, что Атчисон — совсем неплохой вариант: в конце концов, там у него есть свои люди, значит, есть, где затаиться и переждать какое-то время. А нам только этого и надо. Вы не поверите, но ни у полиции, ни у ФБР на Чака нет абсолютно ничего. Единственный вариант, подсунуть ему Дзанутти, взять на попытке его убийства и после этого тянуть за все ниточки.

— Вы предлагаете мне прихлопнуть Генри?

— Нет, конечно же! Частному детективу такое с рук, разумеется, не сойдёт. А вот мне как сотруднику ФБР при соответствующих обстоятельствах — например, в качестве самообороны — запросто.

— Чем дальше, тем интереснее! — убеждённо говорю я. — Вы и в самом деле неплохой рассказчик. С нетерпением жду, что вы скажете дальше.

— Да, собственно, почти всё. В аэропорту Кеннеди вы дадите мне ваш револьвер. Генри и в голову не придёт, что у меня может оказаться оружие...

— И что, вы на самом деле готовы его убить?

— Это — крайняя мера. Думаю, будет вполне достаточно сунуть ему под нос револьвер, заставить пристегнуться к чему-нибудь его же наручниками и позвонить нашим, чтобы оформили клиента.

— Ну, а моя-то какая роль?

— Создать необходимые условия, для того, чтобы я смогла это осуществить. Вы ждёте в отеле где-то часа два. Им я скажу, что вы в моей квартире. Дзанутти сам, разумеется, не поедет, отправит нас с Генри. Там я поступаю с ним по первому или второму варианту. А вы заявляетесь на квартиру Генри и сообщаете Дзанутти, что с хозяином квартиры покончено. По сложившейся традиции можете его даже побить, только потом обязательно отпустите. У него не будет другого выхода, кроме как рвануться в Атчисон. А там его встретят.

— Но вы же просите у меня мой револьвер. Значит, на квартиру я приду безоружным. И что же

может помешать Дзанутти спокойно меня выслушать, а затем поднять пистолет и пустить пулю мне в лоб?

— Мэтт, спрошу ещё раз: вы действительно частный детектив — ну, такой крутой парень, который каждый день по роду службы скачет под пулями, — или я обратилась за помощью к члену кружка любителей поэзии? Дзанутти никак не сможет ожидать вашего прихода, значит, ваш расчёт на внезапность. Вот и выжмите отсюда, что можно.

Неплохо она мне на самолюбие надавила.

Есть в её рассказе детали, которые не стыкуются, но у меня будет время всё обдумать и в случае необходимости внести в её план свои коррективы. Пока же лучше всего действовать с ней заодно. Полицию к этому я подключить не могу, для местной полиции я — довольно мутный тип, нарушивший, к тому же, подписку о невыезде. Так что они и разговаривать со мной не станут: упекут в каталажку и запросят полицию Атчисона, что со мной дальше делать. Одному с ними справиться тоже тяжело: отправляясь в Мидлтаун, я и сам откровенно считал свои действия плохо обдуманной авантюрой и рассчитывал только на импровизацию. С этой стороны план Милдред представляется реально осуществимым. И её рассказ об операции ФБР тоже логичен и объясняет

многие не стыковавшиеся до этого факты...

Но тут мне в голову приходит мысль настолько дикая и нелепая и в то же время вполне возможная, что я, не в силах справиться со своим ошеломлением, просто впиваюсь в Милдред своим взглядом, словно это может помочь проникнуть в неё насквозь и, наконец-то всё про неё понять. Ну да, возможно и такое объяснение её осведомлённости!

Она в это время снова смотрит в спинку переднего сидения и моего взгляда не замечает.

И я решаюсь.

— Как я узнаю, что вы справились с Генри, а не наоборот?

— Вы мне дадите свой мобильный, и я вам позвоню.

Оставшееся до прилёта время обсуждаем мелкие детали плана, хотя, в принципе, всё и так ясно.

В аэропорту не без колебаний отдаю ей свой револьвер, сажусь в такси и уезжаю в гостиницу «Комфорт». Принимаю душ, ложусь на кровать, закуриваю и начинаю размышлять, что же меня насторожило в рассказе Милдред.

Во-первых, её слова о якобы невозможности обратиться за помощью в свою контору. Ни за что не поверю, что ФБР не в силах исправить ситуацию с двумя сбежавшими преступниками и вернуть

туда, куда надо. Хотя и логика здесь тоже есть: чтобы до одури напугать Дзанутти и заставить сорваться в бега, лучшей кандидатуры, чем я, и придумать невозможно. И вполне объяснимо, что Милдред не хочет обращаться за помощью к конторе: она желает исправить ситуацию сама, чтобы не дать повода усомниться в её профессионализме. Ещё один довод в её пользу — Мэтт Харрис в качестве наживки. Стремясь разделаться со мной, они вполне могут забыть и про осторожность, и про игры разума.

Во-вторых, как-то странно, что у агента ФБР нет своего оружия. Ну, положим, по легенде ей нельзя его иметь, но ведь должен быть какой-то тайник — хотя бы в её же квартире?

Я пытаюсь найти объяснение и этому, но здесь у меня не получается.

В-третьих, очень странно по поводу Генри: бандит, на счету которого несколько убийств, работает охранником в школе. В школе-то он действительно работал: об этом мне сообщил Стив, но то, что он уже в то время был бандитом, я знаю только со слов Милдред.

Словом, нестыковки действительно есть, и единственное, что заставляет поверить в рассказ про агента ФБР, это убедительное объяснение, каким образом сначала Чаку стало известно о мошенничестве Дзанутти, а потом тому — что Чак